

Знала, что в подростковую пору он оказался в стихии «улицы» с ее отнюдь не безобидными играми: многие из уличных приятелей потом попали за решетку. Он уцелел.

— Чудом?
— Нужно было своровать. Я не пошел. Не смог.

— Не смог «переступить»?

— Так был воспитан. Стоило представить маму... До этого у меня уже было несколько серьезных проступков, и я хорошо помню ее: «О-о-о!» Кстати, очень похоже возникло как-то у нас с Шукшиным. Зашла речь о детях, и я говорю, что вот, мол, растим, растим девок — у меня дочь, у него две дочери — и вдруг, всякое может случиться, попадетсЯ какой-то подлец... «Да?» — Шукшин сразу окаменел — у него было свойство очень серьезно реагировать на все, на любую глупость даже, — а потом вдруг резко: «Ну нет! Я тогда, как мать...» — и он, схватившись за голову и расклавываясь в отчаянии, завопил: «А-а-а!» Этого, на его взгляд, было достаточно, чтобы дочери устояли в передраге.

Мама у Буркова удивительная. Сказать, что Мария Сергеевна живет жизнью сына и его семьи (жена и дочь Буркова — актрисы) значит ничего не сказать. Оберегающая, страдающая, всем существом своим, без остатка, повернувшая к сыну: так поворачивается головка цветка вслед за солнышком.

А ему сегодня и впрямь непросто. В доме — круговорот. К нему идут и идут люди. Телефон не умолкает — беседовать с Бурковым долго просто невозможно, его разрывают на части. «А что ставите будете?» — кричит он в трубку. — «Степана Разина?» «А сможете? Ну-ну...» Дает какие-то коммерческие советы (совсем, кажется, не в бурковском стиле).

— Не смог из-за нехватки времени встретиться с одним хорошим парнем: приехал из провинции устраиваться дворником, чтобы помогать нашему Шукшинскому центру, — и вот он теперь не звонит, — может, обиделся? У меня просто сердце болит.

Болит сердце. Болит не только потому, что перенес недавно инфаркт после встряски в прославившемся конфликтами МХАТе (на сегодня он ни в каких театрах не числится).

Мимходом, рассказывая о

чем-то, обронит: «Меня пронзает боль» (вот ведь как — «пронзает», словно шпагой). «Старуха идет — так, так (показывает) — и мне больно». Скажет «и я плакал» — по другому поводу. И напомним предостережение Достоевского: с добром играть опасно, ходить по добру опасно... Все это — о своем сегодняшнем восприятии жизни.

Вычлениются слова-опоры, вокруг которых он разворачивает свои монологи-страдания, монологи-вдохновения. Монологи — жанр Буркова не актера — человека. Говорит страстно, строя свои умоза-

Центр искусства и культуры имени В. М. Шукшина), как дань его памяти и дань великого уважения к другу, который был и остается как бы вторым «я» Буркова, настолько близки их позиции, видение жизни, отношение к духовным ценностям. Отсюда и все его заботы-хлопоты.

— Нужно остановить ненависть, — продолжает свое.

Остановить стихию страха, унижения, угнетения — слабых. Тема достоинства — еще одна составляющая его монологов. Из этой серии рассказ «о том, как мы ездили к Шо-

«Я так и не стал москвичом, остался провинциалом», — эту бурковскую фразу я услышала в одном из его интервью телевидению и напоминаю сейчас. Внутренне очень близкой показалось мне это «провинциал», хорошо ощущаемое всеми, кто жил когда-то в городах и весях и столкнулся с разъединяющим «столичным» духом.

— Я из уцелевших, — ответил.

Неприятие казенного духа, всего официозного для него так же органично, как глубоко органично обращение к натуральному, естественно-

гость местного театра, ибо считали себя бунтарями и были ими, не соглашаясь, протестуя, споря, создавая, говоря сегодняшним языком, нестабильность на местном фронте. Они мечтали о своем театре и организовали студию, где вели занятия и много спорили. Вокруг Буркова и его молодых друзей тотчас сбился кружок молодежи. Споры, разговоры за полночь, выработка концепции «своего» театра. Метеорит упал на сибирскую почву того времени взлета, когда ехали «туда», а не «оттуда». Бурков был центром притяжения, глашатеем и театретиком. Он так резко выделялся в этой среде, так выламывался из «рамки театральных стандартов»...

Мы встретились спустя 25 лет. И вспомнилось время надежд, исканий. И труппа провинциального театра. И несогласные со стилем жизни привычной, идущей по заведенным канонам.

Идея Шукшинского центра непростая, и представлять его сегодня в том поистине космическом, всеобъемлющем варианте, как он мыслится, я просто не могу и не хочу, ибо все это пока «до того». Деньги, помещение — все сложности периода организации. Но в самой сердцевине своей он несет идею поддержки таланта, способствования прорастанию зерен всего нового и свежего на Руси в противовес устоявшейся косности.

— Вот еще в Новосибирске отличных ребят закупорили. Гонимы Центра нынче отправились в Кузбасс, в городок Ленинск-Кузнецкий, откуда получено письмо, что местные силы готовы поддержать идею оздоровления атмосферы в городке путем настоящего искусства.

Двадцать пять лет назад в Кемерове молодые актеры выполняли, говоря словами публициста, роль «кипятильника в общественном чане». Смотрю на Буркова сегодняшнего: будто и не было четверти века. Надежды и мечты я еще что-то, что идет от того, что «человеку это надо».

— Чувство национального самосознания возвращается, потому что в рабстве его не было.

«Вы только, пожалуй, ста...» — на всякий случай о чем-то остерегая, говорит в дверях, провожая меня, Мария Сергеевна: очень беспокоится о сыне.

К. ЛАВРОВА.

«Я ИЗ УЦЕЛЕВШИХ...»

кличения, подчас неожиданные. Одно из таких опорных слов — дети. Ребенок. Он возвращается к этому в разных планах, варьируя — «ради детей». «Дети — они все знают. Стоит вспомнить себя: сердце колотится, что-то подступает...» Рисует вселенскую муку, когда случается горе с ребенком.

— Помнишь, у Гоголя в «Страшной мести» казак с сыном повис над пропастью, зацепившись за сук, и просит бывшего брата-товарища: «Не отправляй на смерть мальчика, оставь хоть на меня». А тот засмеялся, и малое дитя — пикой. (Остановился, заново пораженный этим). И после этого прожил жизнь нормально! Но Гоголя он не интересовал. Бог говорит казaku: за то, что он с тобой сделал, я и наказание тебе придумаю не могу. И вдруг от того злодея пошло по земле тоже зло, из поколения в поколение, — мразь, подонки — умножилось зло мира.

Итожит, поднимая на щит вечное:

— Все наши откровения — из отечественной литературы. Девятнадцатый век — наш щит духовный. То, что создала тогда Россия, — это невозможно, потрясающее...

Дети, человек... Это из того, что владеет душой Буркова. Как владели душой Василия Макаровича Шукшина, чей образ как бы стоит за всем тем, что звалили на свои плечи сегодня Георгий Бурков. Ибо он сегодня возглавляет Центр Шукшина (а полностью — Всесоюзный

лохову». (Мы — съемочная группа фильма «Они сражались за Родину»). Тут в красках все — скупое и тихо роняющий слова великий писатель, которого «держали, как короля», и окружение, умиляющееся, «как он просто», дружно подхватывающее его возгласы («ну, мудреца!»). И на этом фоне — Шукшин, который не лез в глаза, потому что хорошо знал себе цену, «своим поведением, достоинством, походкой давал понять, кто он».

— Они его «не узнавали» — иди, мол, в свите и там, где тебе укажут. Шукшин не гневался, он понимал, что его «не узнали»...

«Вася!» — обратился к нему на приеме великий писатель.

— А он в это время говорил мне, что хорошо бы, пока все пьют, заглянуть в сельский книжный магазинчик... «Вася!» — прозвучал в это время голос Шолохова. «Василий Макарыч!» — подхватили сразу несколько голосов. «...заглянуть в книжный магазинчик, в котором всегда, если хорошо порыться, можно под прилавком отыскать такое...» — спокойно продолжал Шукшин. А голоса надрывались: «Василий Макарович!» И Шолохов, кажется, не дожидаясь ответа, уже выходил из комнаты. Не получалась историческая фотография на память. «Аиньки?» — спокойно отозвался в это время, будто только услышал, Шукшин.

Бурков, изобразив это наивное и простецкое «аиньки», счел, что он сказал все.

му, настоящему. «Он, как ребенок, веселился, и я был счастлив», — скажет о любимом друге. И о себе тоже.

Любит слово. Останавливается, прерывая речь, говорит радостно: «Надо же, какое словцо нашел...» По ходу разговора бросил: «Ехали «потемкинские» люди». Прислушался, взвешивая. Добавил: «Профессионалы — «потемкинцы». Самому понравилось.

— Язык всегда существовал, как живое существо, раствор, бульон...

Его монологи о Шекспире, Салтыкове-Щедрине передают видение и оценки окружающего. Его ястойчивое «художник спасет мир» обращено к тем, кто в муках рождает свое художническое видение бытия:

— У художника есть духовная валюта. Он обеспечивает золотом.

«Эксперимент одномерных людей» — непримиримо делит всякие попытки сузить, сдвинуть, обозначить чертой, неким пределом диапазон сил и возможностей человека.

Временами я будто проваливаюсь куда-то: перестаю слушать. Он мгновенно реагирует. «Слушаешь?» — «Слушаю, слушаю». Собственно, я не проваливаюсь, а отвлекаюсь: вдруг какое-то слово оказывается знакомым, оно приходит издадека, из тех давних лет, когда я работала в «молодежке» в Кемерове, а они — группа молодых актеров — приехали работать в Кемеровский драмтеатр. Приехали взрывать тишину и бла-